

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера) [Письма: XI: Оосака, 14 декабря 1890 г., XII: Оосака, 30 января, XIII: Тоокео, 20 марта 1891 г.] // Богословский вестник 1896. Т. 3. № 7. С. 67–96 (3-я пагин.). (Продолжение.)

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

(Письма японскаго миссіонера) ¹⁾.

ПИСЬМО XI.

14 Декабря 1890 г. Оосака.

29 Ноября я выѣхалъ изъ Тоокео по желѣзной дорогѣ уже знакомой намъ. Быстро пролетѣли шестнадцать часовъ. Ночью не приплось замѣтить и всѣхъ здѣшнихъ многочисленныхъ туннелей и мостовъ, которые такъ красятъ дорогу.

На станціяхъ теперь нѣтъ „каки“ (прекрасный японскій плодъ), за то „миканы“ въ изобиліи (мандарины). Но самое замѣчательное для иностранца это—конечно, японскій дорожный обѣдъ или по японски „бенто“. Даете вы разнощнику пять центовъ (7 коп.), и онъ вамъ вручаетъ небольшой ящичекъ изъ древесной стружки. Чего только въ этомъ ящичкѣ нѣтъ. Главное—рисъ, бѣлый, чистый, безъ всякихъ примѣсей въ родѣ масла и т. п. Въ уголку бережно отгорожены еще болѣе соблазнительныя лакомства: миньютюрный кусочекъ яичницы, еще болѣе маленькій кусочекъ рыбы, что-то въ родѣ полтерша, кусокъ соленой рѣдкы (неизбѣнно съѣдаемый японцами послѣ ихъ обѣдовъ, въ видѣ закуски), зернушковъ десять сладкаго гороха (это уже пирожное). Да всего и не пересчитать. И все это можно взять на вилку въ разъ. Удивительные миньютюристы эти японцы. И все это у нихъ такъ чисто. Тутъ же въ этомъ ящичкѣ вы находите и хорошо выструганную и чистую щепочку. Разломите ее на двое, и вы получаете пару столовыхъ палочекъ, замѣняющихъ наши вилки и ложки. И дешево, и сердито.

¹⁾ См. Б. В. Май.

Наконецъ. вправо отъ дороги засверкала безконечная равнина воды; это — воспѣтое японскими поэтами озеро Бива. Кругомъ его горы, покрытыя лѣсомъ. Въ прежніе годы здѣсь все было полно монастырями и бонзами, да и теперь не мало еще ихъ осталось. Вотъ на берегу его городъ Оцу. Еще послѣдній туннель и поѣздъ мчится по зеленой долинѣ, сквозь бамбуковый лѣсъ къ японской Москвѣ—Кёото, или Міяко (первое названіе китайское, а второе чисто японское, и то и другое въ переводѣ значить: столица). Теперь его въ соотвѣтствіи съ Тоокео (восточная столица, какъ названо съ пережѣной правленія прежнее Едд), называютъ Сайкео, т. е. западная столица. Еще полтора часа, и Осака.

Захвативши подъ мышки свою камлотовую рясу, зонтъ и палку, я вышелъ на платформу.

„Серуги-симпу“! (о. Сергій), раздалось около меня. Это былъ довольно рослый мужчина съ офицерскими усами и крупными чертами. Это, стало быть, христіанинъ. Взаимный поклонъ съ прикладываніемъ рукъ къ колѣнамъ и „кѳнницива“ (здравствуйте). За нимъ подошли еще трое. Тоже „кѳнницива“ и такой же поклонъ. Мои новые знакомые усадили меня на диванъ. Двое пошли доставать мой багажъ, а двое принялись занимать меня разговорами. Разговоры, конечно, шли на общую тему, т. е., состояли больше въ желаніи говорить и въ улыбкахъ, такъ какъ и знакомыя слова куда-то на этотъ разъ подѣвались. Впрочемъ, узналъ по крайней мѣрѣ имена. Высокій, встрѣтившій меня при выходѣ изъ вагона, назывался Василій Тадэ, здѣшній катихизаторъ, другой Оома Танака, тоже катихизаторъ. Остальные: одинъ учитель пѣнія, присланный сюда на время изъ Тоокео, а другой мой учитель японскаго языка. Называется онъ Павелъ Исогай. Этотъ былъ въ европейскомъ костюмѣ.

Багажъ получила и отправились.

Осака—городъ очень большой. Говорятъ жителей въ немъ до 600 тысячъ. Расположенъ онъ при устьи довольно большой судоходной рѣки, которая въ городѣ разбивается на нѣсколько рукавовъ. Прибавьте къ этому безчисленное количество каналовъ, и получится нѣчто, на самомъ дѣлѣ напоминающее Венецію.

На небольшомъ островкѣ среди рѣки стоитъ синтонгскій храмъ (мія), а около него возвышается что-то въ родѣ турецкаго минарета. Это памятникъ знаменитому сегуну Хидееси, грозѣ Китая и покорителю Кореи. Другимъ памятникомъ Хидееси служитъ здѣсь „сиро“ (замокъ). Оосака была столицей сегуновъ.

Теперь Оосака все болѣе и болѣе затмеваетъ собою Кёото, развиваясь не по днямъ, а по часамъ. Теперь это торговый, промышленный и, пожалуй, умственный центръ всей нижней Японіи, своего рода южная столица.

Мы переѣхали чрезъ великолѣпный висячій мостъ, соединяющій зарѣчную часть города съ главной. Нѣсколько саженъ по улицѣ, поворотъ на право и подъемъ въ гору, а тамъ близко и нашъ церковный домъ.

Это уже въ собственномъ смыслѣ японскій домъ или лучше сказать цѣлая связь домовъ, соединенныхъ между собой разными переходами и галлереями. Прежде здѣсь помѣщалась какая-то знаменитая кухмистерская, а теперь церковный домъ съ храмомъ и всѣмъ пр. Тутъ теперь живетъ священникъ о. Іоаннъ Оно, очень хорошій, краснорѣчивый проповѣдникъ. Онъ завѣдуетъ церковью г. Оосака (болѣе 200 чел.) и еще массою церквей, разбросанныхъ въ разныя стороны отъ Оосака иногда на сотню и болѣе верстъ. Есть церкви даже на сосѣднемъ островѣ (Сикоку), куда особенно затруднительно для о. Іоанна путешествовать. Каждый священникъ обязанъ объѣхать свой приходъ раза четыре въ годъ, преимущественно во время поста, для исповѣди и св. причащенія. Кромѣ того бываютъ поѣздки экстренныя: для напутствій умирающаго, для похоронъ и т. п. Ко времени посѣщенія священника наши христіане иногда пріурочиваютъ разныя церковныя собранія, иногда и публичныя для проповѣди.

Въ нашемъ оосакскомъ домѣ устроена еще квартира для миссіонера. Въ прежнее время здѣсь имѣлось въ виду устроить особый миссіонерскій станъ. Одно время здѣсь даже и жилъ миссіонеръ, покойникъ о. Анатолій, который и пріобрѣлъ этотъ домъ на собранныя имъ въ Россіи деньги. У него была здѣсь и катихизаторская школа. Но потомъ съ переводомъ о. Анатолія на мѣсто настоятеля посольской

церкви, этотъ домъ запустѣлъ, школа закрыта ¹⁾. Теперь здѣсь иногда живутъ вновь прїѣзжающіе изъ Россіи миссіонеры для изученія языка, какъ напр., я. Впрочемъ, катихизаторская школа, можетъ быть, снова будетъ открыта, только бы раздобыть средствъ. А помѣщенія здѣсь хватитъ на цѣлый университетъ.

Кромѣ священника, здѣсь же, въ этомъ же домѣ, живетъ катихизаторъ Оома, потомъ учитель пѣнія, потомъ мой учитель, потомъ Гоакимъ и Анна, предобродушнѣйшіе старичекъ со старушкой, изображающіе изъ себя что-то въ родѣ здѣшнихъ хозяевъ, потомъ еще нѣсколько человекъ, болѣе или менѣе чиповныхъ. Однимъ словомъ, это своего рода ковчегъ; дай только Богъ, чтобы въ немъ побольше спаслись отъ окружающаго потопа.

Заднимъ фасадомъ нашъ домъ выходитъ въ небольшой палисадникъ или просто террасу, съ которой прекраснѣйшій видъ на рѣку съ ея нѣсколькими желѣзными мостами, на зарѣчную часть города, и т. д.

Эта красота намъ, однако, стоитъ довольно дорого: зимой отъ рѣки несетъ такимъ холодомъ, что просто въ нашихъ картонныхъ домикахъ житья нѣтъ. Утромъ встанешь, — 5—6 градусовъ. Одна надежда на маленькую желѣзную печку, да отъ печки скорѣе можно учиться непостоянству дѣлъ человѣческихъ, чѣмъ грѣться. Какъ ни накаливаете, все равно чрезъ полчаса все тепло уйдетъ наружу оставивъ на память о себѣ слой густѣйшей каменноугольной сажи на всемъ, не исключая и миссіонерской особы.

Вскорѣ послѣ моего прїѣзда въ комнату вошелъ и самъ о. Оно, жена его принесла на подносѣ чашку европейскаго чаю, а сынъ, мальчикъ лѣтъ девяти, деревянную тарелку съ миканами. Наши священники обычно носятъ японскій костюмъ, такъ близко подходящій къ духовному. Во время Богослуженія надѣвается нашъ подрясникъ. Впрочемъ, о. Оно носитъ подрясникъ и во время своихъ объѣздовъ по приходу..

¹⁾ Открывалась она однажды и послѣ о. Анатолія. О. Оно былъ преподавателемъ и приготовить человека 4—5 недурныхъ катихизаторовъ. Потомъ школу пришлось закрыть: соединить приходъ и преподаваніе въ школѣ для о. Оно оказалось невозможнымъ.

Велѣдъ, за о. Оно пошти одинъ за другимъ и всеѣ обитатели нашего ковчега, и нѣкоторые изъ постороннихъ христіанъ, узнавшихъ о моемъ прїѣздѣ.

На слѣдующій день о. Оно долженъ былъ ѣхать въ Кеото, и мнѣ неожиданно пришлось первый разъ совершать Богослуженіе на японскомъ языкѣ. Была суббота. Въ воскресенье служили обѣдницу, такъ какъ аптиминсъ взялъ съ собой о. Іоаннъ.

Храмъ помѣщается въ довольно большой комнатѣ, человѣкъ на 200.

Сѣверная и западная его стѣны всеѣ состоятъ изъ стеклянныхъ ширмъ и выходятъ въ садъ. Иконостасъ въ одинъ ярусъ. Живопись аѳонская: опять память объ о. Анатолиі, который, по окончаніи Академіи и до прїѣзда сюда, жилъ нѣкоторое время на Аѳонѣ.

Пѣло нѣсколько христіанъ, мужчинъ и женщинъ, подъ управленіемъ Мацуки (учитель пѣнія). Пѣли, конечно, не такъ, какъ въ Тоокео, но и не плохо.

Я говорилъ ектеніи и возгласы по бумажкамъ: японскія слова написаны были русскими буквами. Такъ обыкновенно дѣлается здѣсь иностранцами, потому что читать китайскую грамату не скоро выучишься (японцы въ письмѣ употребляютъ, какъ извѣстно, китайскіе іероглифы), а служить нужно во что бы ни стало.

Послѣ службы христіане сѣли на полъ, а катихизаторъ подошелъ ко мнѣ подъ благословеніе, и началъ говорить проповѣдь. За обѣдницей проповѣдовалъ другой катихизаторъ. Здѣсь ни одна праздничная служба не обходится безъ проповѣди.

Теперь я понемпогу изучаю японскій языкъ. Утромъ встанешь, напьешься чаю, отогрѣешься отъ ночваго холода, — изъ сосѣдней компаты доносится едва слышное шарканіе ногъ, затѣмъ идетъ отворяніе двери и слышится шипѣнье или всхлипываніе, какъ будто бы кто ѣстъ или пьетъ что-нибудь очень горячее. Это идетъ мой „сенсей“ (учитель) съ неизмѣннымъ лексикономъ Гошкевича подъ мышкой, съ записной книжкой, съ „конничива“ и съ специфическимъ японскимъ запахомъ. Книги оставляются при входѣ. Одинъ поклонъ предъ образомъ, потомъ сенсей низко наклонивъ голову подходитъ подъ благословеніе (у японцевъ устано-

вился обычай принимать благословеніе не руками, а головой). Затѣмъ начинается усаживаніе. Мой сенсей ставитъ къ столу для себя стуль, потомъ возвращается къ двери за оставленной тамъ книгой, приноситъ ее на столъ, потомъ отправляется тащить съ окна лексиконы, и ужъ послѣ цѣлаго ряда такихъ эволюцій помѣщается рядомъ со мной и начинаетъ урокъ. Такъ должно быть и послѣ не догадается сократить свои походы въ одинъ приемъ.

Теперь съ нимъ мы читаемъ брошюрку одного протестантскаго катихизатора-японца, подъ громкимъ заглавіемъ: „Христіанство и политика“. Какъ ни стараются увѣрить все такіе господа, что политика для нихъ дѣло второстепенное, а все отъ нея отдѣлаться не могутъ. Націонализмъ поглощаетъ собою всю душу японца, особенно протестанта, который принимаетъ христіанство больше для того, чтобы походить на европейца.

Да, христіанству предстоитъ здѣсь борьба нелегкая, и, кажется, главная бѣда въ томъ, что идеалы здѣсь и увлеченія слишкомъ мелки, ничтожны. Далѣе простой корректности, гражданской порядочности японцы со своимъ Конфуціемъ не простираются. Оттого и паденій глубокихъ, бушеванія страстей японцы не знаютъ: все у него чинно, прилично, даже мелкіе его грѣшки обставлены у него корректно, такъ что и извиняться и каяться въ нихъ ему не приходится. Ему говорятъ о покаяніи, а онъ выставляетъ впередъ свою корректность. Чѣмъ я хуже другихъ. Добродѣтели въ собственномъ смыслѣ онъ не понимаетъ, а корректные недочеты, какъ ихъ ему не указывай, конечно, особеннаго впечатлѣнія на него произвести не могутъ по самой своей мелочности.

Все у него сводится къ государству и своему японскому народу. Бога не хочетъ онъ поставить на первое мѣсто. Трудно для такихъ людей говорить о необходимости знать Бога, когда все ихъ вниманіе обращено на то, что изъ этого Богопочитанія выйдетъ для ихъ государства и для нихъ самихъ. Не даромъ отчеты протестантскихъ миссій то и дѣло говорятъ объ охлажденіи японцевъ къ христіанству. На первыхъ порахъ японцы думали, что все европейское полезно и не отдѣляли культуру отъ религіи. Теперь они начинаютъ понимать, что культура Европы, хотя и обязана

многимъ христіанству, однако съ этимъ послѣднимъ далеко не совпадаетъ, что можно принять культуру, не дѣлаясь христіаниномъ, да и увлеченіе европеизмомъ понемногу проходить. Отсюда и охлажденіе.

Послѣ этого невольно удивишься милости Божіей надъ нашей миссіей. Нѣтъ у насъ ни школъ съ европейскими программами, ни больницъ съ цѣлымъ штатомъ сестеръ милосердія, не сыплются изъ миссіи на право и на лѣво разныя „вспомоществованія“. Чуждая всякихъ культурныхъ и политическихъ задачъ, наша миссія поставила себѣ цѣлью проповѣдать Японіи Христа и Его ученіе, въ его чистомъ видѣ безъ всякихъ прибавокъ и перетолкованій. Оттого и благодать Божія, живущая въ церкви Христовой, не покидаетъ и нашей миссіи. Эта послѣдняя сильна не матеріально и не количествомъ своихъ дѣятелей и не ихъ особенными дарованіями, а прямо благодатію Христовой и только ею одною. Что такое силы миссіи? Нуль въ сравненіи съ протестантскими и католическими. Противъ цѣлыхъ армій ихъ миссіонеровъ — европейцевъ у насъ дѣйствуютъ исключительно японцы новообращенные, лишь поверхностно образованные. Правда, во главѣ всего стоитъ преосв. Николай, воспитывающій проповѣдниковъ, но вѣдь онъ совсѣмъ одинъ. Здѣсь побѣждаютъ не люди, а благодать и истина. Миссія только бросаетъ сѣмена, а возвращаетъ Богъ. Епископъ приводилъ мнѣ много случаевъ изъ своей практики, изъ практики катихизаторовъ, гдѣ положительно видна эта независимость миссіонерскаго дѣла отъ соображеній и расчетовъ человѣческихъ. Самыя краснорѣчивыя, отдѣланныя проповѣди бывають подъ часъ мѣдью звенящею; а иногда совершенно небрежная, нелогическая, вообще неудачная проповѣдь (во время которой, говорилъ Владыка, и на слушателей-то смотрѣть стыдно) имѣетъ удивительный успѣхъ. Но большей части, и бываетъ такъ, что успѣхъ получается, гдѣ не было никакой надежды, а гдѣ все рассчитано чуть не съ математической точностью, ничего не выходитъ. Такъ все и говорить, что есть Хозяинъ этого дѣла, Который Самъ и направляетъ его, какъ угодно Ему.

Поэтому, и самые приемы нашей миссіи носятъ на себѣ особый, чисто апостольскій отпечатокъ. Католики и протестанты, обычно сами напередъ опредѣляютъ, гдѣ будутъ

они проповѣдовать. Обыкновенно избирается городъ, чѣмъ-нибудь замѣчательный, или по торговлѣ, или по своему культурному значенію, каковы, напр., въ Японіи Киото, Осака, Сендай, Нагоя и т. п. Въ избранномъ городѣ устраивается миссіонерскій станъ, поселяются миссіонеры—европейцы. Заводится школа, больница. На всѣ улицы посылаются катихизаторы—японцы; въ народъ разбрасываются брошюры религіознаго содержанія. Однимъ словомъ пускаются въ ходъ всѣ доступныя средства, не исключая самой широкой „благодѣтельности“. Памѣтивши пунктъ, они насильно навязываются городу, не отступая ни предъ чѣмъ.

Между тѣмъ въ нашей миссіи пріемъ этотъ признается неправильнымъ. Наши церкви, теперь разбросанныя по всей Японіи, зародились и развились, сами собою, независимо отъ плановъ и соображеній миссіи. Нѣсколько христіанъ приходятъ въ городъ на заработки, для торговли. У нихъ завязывается знакомство, находятъ еще кого-нибудь вѣрующаго. Начинаютъ собираться вмѣстѣ по праздникамъ для молитвы и взаимнаго назиданія въ Словѣ Божіемъ,—вотъ церковь и открыта. Нѣкоторые изъ язычниковъ спрашиваютъ ихъ о вѣрѣ, начинаются разговоры, споры, нѣкоторые склоняются къ вѣрѣ. Христіане пишутъ общее письмо епископу или чаще на соборъ (который бываетъ каждый годъ) съ просьбой прислать имъ катихизатора. Если есть свободный, соборъ или епископъ его на просьбу христіанъ и посылаютъ. Это уже каноническое признаніе церкви. Отселѣ она заносится въ списки японскихъ церквей, какъ часть цѣлаго.

Конечно, посылаются иногда катихизаторы и просто попробовать, нельзя ли основать церкви въ томъ или другомъ городѣ. Но миссіи никогда не пыталась поставить свою волю на мѣсто Божіей, никогда не упорствовала проповѣдовать, когда убѣждалась, что проповѣдь въ данномъ мѣстѣ бесполезна, что Воли Божіей пока нѣтъ, чтобы тутъ была церковь. Катихизаторъ переводился куда-нибудь въ другое мѣсто. И замѣчательно, что иной разъ церковь потомъ завязывалась въ оставленномъ пунктѣ, но завязывалась сама собой, помимо проповѣди. Такъ, напр., появилась церковь въ Киото. Нѣсколько разъ посылались туда катихизаторы. Пользы не было никакой. Но вотъ года два

тому назадъ, указаннымъ выше способомъ встрѣтились тамъ двѣ-три семьи христіанъ, стали вмѣстѣ молиться, потомъ попросили себѣ катихизатора, и теперь это—церковь признанная и имѣетъ у себя нѣсколько и новокрещенныхъ (правда пока тоже изъ иногороднихъ). Все дѣлается не по планамъ и расчетамъ человѣческимъ. Въ этомъ и сила нашей мисси и залогъ ея будущности.

А что благодать Божія дѣйствуетъ въ церкви, этому доказательствомъ служатъ дѣйствительныя чудеса, которыя иногда здѣсь совершаются. Такъ нерѣдко сопровождается исцѣленіемъ таинство крещенія. Одну женщину, напр., принесли въ церковный домъ четверо (нужно было подняться на гору), а изъ купели крещенія она вышла уже здоровой и домой вернулась безъ помощи. Таинство елеосвященія прямо и принимается именно для исцѣленія, и много извѣстно случаевъ, когда это исцѣленіе дѣйствительно совершалось, или же больной получалъ безболѣзненную кончину.

Или вотъ вамъ еще примѣръ. Идетъ нашъ семинаристъ домой на каникулы. По дорогѣ заходитъ къ своимъ родственникамъ и застаетъ ихъ у одра умирающаго одного изъ семьи. Жаль стало ихъ семинаристу. Онъ тутъ вспомнилъ не разъ можетъ быть помянутое на урокахъ обѣтованіе Господа о чудотвореніи въ истинной церкви. Онъ вынулъ свой молитвенникъ и сталъ молиться со всей чистотой и искренностью вѣры, какая только могла быть въ его дѣтской душѣ. И *„молитва вѣры“*, дѣйствительно, *спасла болящаго. Господь его воздвигъ.*

Или еще. Родители этого семинаристика (въ Нагоя) были еще язычниками, хотя сынъ-семинаристъ убѣждалъ ихъ принять крещеніе. Былъ у нихъ еще сынъ, тоже не крещеный,—и вотъ онъ смертельно заболѣваетъ. Болѣзнь была опасная, доктора приговорили больного къ смерти. Старички были внѣ себя отъ печали. Была ночь на Свѣтлое Христова Воскресеніе. Сынъ совсѣмъ умиралъ. У его смертнаго одра старичкамъ пришла въ голову мысль, не поможетъ ли вѣра ихъ старшаго сына—семинариста. „Теперь всѣ христіане тоже не спятъ, молятся,—помолимся и мы христіанскому Богу, можетъ быть Онъ и поможетъ“. Достали оставленный ихъ сыномъ молитвенникъ. И вотъ эти старички, изнемогая отъ печали, въ Святую ночь, у одра своего умираю-

цаго сына, стали читать молитвы еще невѣдомому имъ Богу. Многого, конечно, они не понимали, — одно понимали, что это уже послѣднее средство и потому взялись за него всей душой. Поэтому и услышана была ихъ горячая молитва. Сынъ ихъ всталъ, и теперь всѣ трое хорошіе христіане. Говорять, и теперь многимъ помогаетъ ихъ вѣра.

Конечно, такихъ горячихъ свѣтильниковъ вѣры очень мало, но все же они есть, а съ ними не пропадетъ и японская церковь. Конечно, не всѣ алмазны вѣры, очень многіе нерадивы, какъ и у насъ въ Россіи. Погруженные въ житейскіе интересы, они мало заботятся о душѣ, о вѣрѣ, въ храмѣ появляются только въ большіе праздники, да и то не всегда. Но отступниковъ въ собственномъ смыслѣ почти нѣтъ. Обыкновенно, отрекаются люди, припавшіе православіе въ надеждѣ получить отъ него какую-нибудь выгоду. Такимъ, конечно, сразу же приходится разочаровываться, потому что кромѣ привилегіи платить на церковь, новый христіанинъ ничѣмъ не пользуется. Но такихъ не много, потому что дѣло нашей миссіи поставлено довольно безопасно съ этой стороны. Случаются отпаденія разныхъ бѣдняковъ, неудачниковъ, банкротовъ. Такихъ сманиваютъ къ себѣ инославные (особенно, католики). Но эти обращенія особеннаго утѣшенія имъ не доставляютъ: совращенные не ходятъ ни въ наши молитвенныя собранія, ни къ нимъ, и при первомъ улучшеніи въ своихъ дѣлахъ снова переходятъ назадъ.

Да, Божіе благословеніе есть несомнѣнно. Не даромъ преосв. Николай не перестаетъ твердить, что рано ли, поздно ли Японія будетъ православною.

На дняхъ за болѣзнію о. Оно мнѣ пришлось совершить погребеніе. Все какъ въ Россіи. Тѣ же напѣвы и тотъ же порядокъ. На похороны собираются по возможности всѣ христіане. Гробъ провожали на кладбище безъ облаченій. Я шелъ впереди въ рясѣ и крестѣ. Позади гроба несли и намогильный крестъ. Это теперь уже установившійся обычай. Хоронятся наши христіане на общемъ кладбищѣ, вмѣстѣ съ язычниками, только, конечно, могилы ихъ рѣзко отличаются отъ нехристіанъ. Во первыхъ, надъ ними ставится крестъ, а, во вторыхъ, они гораздо длиннѣе языческихъ. Японцы придаютъ своимъ покойникамъ положеніе,

какое человѣкъ имѣеть въ утробѣ матери, т. е. руки прижимаются къ лицу, а колѣна пригибаются къ груди. Оттого, гробъ японскій имѣеть форму кадки, которая и зарывается въ землю вертикально, у буддистовъ же сжигается.

На возвратномъ пути, встрѣтилась намъ погребальная процессія язычниковъ. Впереди закрытый, особой формы паланкинъ съ гробомъ, за нимъ толпа родственниковъ, всѣ въ бѣломъ. Это синтоисты. Провожающіе весело разговаривали другъ съ другомъ. У японцевъ вообще считается, кажется, неприличнымъ выражать свою скорбь. Внутреннія чувства принято скрывать подъ обычной японской улыбкой.

Въ городѣ повстрѣчали другую процессію. Это была уже буддійская. Хоронили должно быть какого-нибудь богача. Впереди гроба несли цѣлый лѣсъ деревьевъ, по два въ рядъ, по крайней мѣрѣ двадцать паръ. На каждомъ деревѣ привѣшана-дощечка съ именемъ приносителя. Это послѣдній знакъ почитанія умершему. Обычай этотъ здѣсь весьма развитъ. Напр., когда умеръ извѣстный русскій ботаникъ Максимовичъ, разработавшій здѣшнюю флору, то ученики его и почитатели, которыхъ очень много здѣсь, принесли епископу корзину цвѣтовъ съ визитной карточкой. Это—душѣ почившаго, говорили они.

За деревьями въ процессіи слѣдовалъ какой-то японецъ въ широчайшей шляпѣ, неся на коромыслѣ два короба, изъ которыхъ въ одномъ предполагаются грѣхи, а въ другомъ добродѣтели почившаго. Далѣе нѣсколько дзинрикися съ бонзами желтыми, черными и сѣрыми, по два на каждомъ экипажѣ, и въ заключеніе фіолетовый бонза, должно быть настоятель. Потомъ гробъ въ паланкинѣ и толпа парада.

Въ этихъ мѣстахъ буддизмъ довольно высоко держитъ свою голову. Въ Осака много большихъ храмовъ, принадлежащихъ различнымъ сектамъ. Впослѣдствіи все это нужно изучить повнимательнѣе.

ИНСЬМО XII.

30-го Января 1891 г. Осака.

Сегодня японскій новый годъ, уже третій по счету: первый государственный, празднуется вмѣстѣ съ европей-

цами по новому стилю; второй—нашъ православный (его, впрочемъ, праздновать только одинъ я, христіане празднуютъ и служатъ молебень по новому стилю, 1-го Января для нихъ только Обрѣзаніе Господне); и, наконецъ, третій сегодня, старо-японскій національный. Его соблюдаютъ больше въ селахъ. Прежде у японцевъ употреблялся лунный годъ и начинался приблизительно съ Февраля.

Нѣчто новое есть и у меня: въ Январѣ мѣсяцъ пришлось сдѣлать первый шагъ на миссіонерскомъ поприщѣ, или точнѣе посмотрѣть, какъ такіе шаги дѣлаются.

Около половины января я получилъ отъ пресов. Николая письмо, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ о своемъ давнишнемъ желаніи развить проповѣдь въ Кеото. Церковь тамъ уже есть, катихизаторъ тоже есть, но еще молодой, неопытный, да и не достаточно образованный. Между тѣмъ одинъ изъ учителей семинаріи освободился, его можно теперь отдѣлать для проповѣди. Его и рѣшено послать въ Кеото. Мнѣ же предстоитъ помогать ему совѣтомъ, а главное служить, такъ сказать, вѣвѣской, потому что имя иностранца покуда еще привлекательно для японцевъ. Съ пріѣздомъ Савабе (помянутый учитель, сынъ извѣстнаго о. Павла Савабе), мы должны были составить здѣсь совѣтъ и потомъ дѣйствовать.

Савабе пріѣхаль, и 17-го января въ моей комнатѣ состоялся совѣтъ или, если хотите соборъ: я, о. Оно, Савабе и двое здѣшнихъ катихизаторовъ. Всѣ явились въ „рей-фуку (въ форменномъ платьи), т. е. въ черномъ „хатори“ (верхняя одежда, по значенію соответствующая нашему сюртуку, а по формѣ сильно напоминающая греческую полурыску). На рукавахъ и на спинѣ бѣлѣли три герба.

Помолились. Я сказалъ, въ чемъ дѣло. Мои собесѣдники поклонили головы сначала направо, потомъ на лѣво, скрестили руки, помолчали, наконецъ, одинъ изъ нихъ протянулъ не рѣшительное: „сайо-о“.. (да), и наше совѣщаніе открылось.

Мы съ Савабе представляли собою напредняковъ или радикаловъ, грозили немедленнымъ уничтоженіемъ всему буддизму и хотѣли начать противъ Кеото самую энергичную атаку. Но наша не тяжеловѣсная стремительность разбивалась о ледяную неподвижность нашихъ болѣе опытныхъ

въ дѣлѣ противниковъ. Послѣ нѣсколькихъ поворачиваній дѣла съ одного бока на другой, послѣ неоднократныхъ повтореній, мы наконецъ постановили: Савабе ѣхать въ пятницу, т. е. на другой день послѣ собора, оповѣстить всѣхъ тамошнихъ христіанъ и пригласить ихъ въ воскресенье въ „кёокуай“, т. е. въ церковный домъ. Въ воскресенье же поѣду я. Вторымъ правиломъ было постановлено: на успѣхъ особенной надежды не питать, Кёото ничего утѣшительнаго въ этомъ отношеніи не представляетъ. Въ немъ не столько домовъ, сколько „тэра“ (капищъ) всѣхъ безчисленныхъ развѣтвленій буддизма. Всѣ эти тэра, замѣчательные или своею древностью или своимъ значеніемъ для той или другой секты, привлекаютъ въ Кёото десятки тысячъ паломниковъ со всѣхъ концовъ Японіи. Идутъ цѣлыми толпами, и старъ и младъ, въ особенныхъ пестрыхъ костюмахъ, напѣвая буддійскія молитвы и причитанія. Все это несетъ въ Кеото свои гроши, все это напимаетъ тамъ себѣ комнату, покупаетъ пищу и пр. Однимъ словомъ это живой капиталъ для кеотосцевъ, не говоря уже о бонзахъ, которые жирѣютъ отъ паломническихъ подаяній. Поэтому, ни одинъ болѣе или менѣе настоящій кеотосецъ и думать не будетъ о христіанствѣ и обращеніи къ нему: потерять тэра для него значитъ потерять единственное въ своемъ родѣ средство легкой наживы.

Въ субботу я собрался, т. е. уложилъ облаченіе, крестъ, евангеліе и пр., такъ какъ въ воскресенье нужно было выѣзжать рано, а зимой японцы вставать рано не особенные охотники. Много хорошихъ думъ пронеслось въ головѣ, когда за всюнощной читалось евангеліе воскресное отъ Матѳея. „Шедше научите вся языки“, вотъ призывъ и повелѣніе. „И се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“, это ободреніе и неизсякаемый источникъ силъ.

На утро въ семь часовъ усѣлись мы въ поджидавшія насъ курума, и помчались внизъ съ нашей горы. Утро было свѣжее морозное. Городъ просыпался. Нѣсколько заспанныхъ, дрожащихъ отъ холода обывателей раздвигали деревянные щиты, которыми японцы зимой прикрываютъ на ночь свои бумажныя стѣны. По мосту впроходятъ обмотанные шарфами, прикашники. Физиономіи синія, фигуры съе-

женныя. Руки спрятаны куда-то внутрь, такъ что толстые рукава торчатъ пустые, точно крылья. Иной вырядился въ красное байковое одѣяло, приспособивъ его на подобіе ронды. Вообще, все тянетъ уныло: холодно, холодно... Мнѣ, впрочемъ, въ теплой рясѣ было хорошо, а ожиданіе начинающагося дѣла какъ-то особенно веселило и поднимало духъ.

Не обошлось и безъ нѣкоторой трагикомедіи: подѣзжаю къ вокзалу и тутъ вспоминаю, что паспортъ свой забылъ. Вотъ тебѣ и разъ!.. Возвращаться было уже поздно. Говорю своему учителю. Но должно быть или произношеніе мое было уже слишкомъ своеобразно, такъ что и привыкшій къ нему сенсей не могъ ничего разобрать, или этотъ послѣдній *подумалъ*, что онъ меня не понимаетъ. Удивительная вещь съ японцами! Они всѣ вѣруютъ въ трудность своего языка для иностранцевъ. Поэтому, на первыхъ порахъ японецъ никогда не пойметъ васъ, ему представляется, что вы не то хотите сказать, что вы говорите. И вотъ онъ начинаетъ ломать свою голову и теряться въ догадкахъ, съ чѣмъ бы вы могли смѣшать произносимыя вами слова. Вы говорите о паспортѣ, а ему представляется, что вы паспортъ смѣшали съ визитной карточкой и, конечно, никакъ не можетъ понять, зачѣмъ вамъ эта карточка понадобилась. Рѣдкій японецъ будетъ отвѣчать вамъ съ перваго слова, онъ будетъ только вамъ улыбаться и поглядывать на учителя, чтобы тотъ растолковалъ ему ваши слова. Для начинающихъ это положительно пытка. Ясно видишь, что слова онъ понималъ, но буквальный ихъ смысломъ не довольствуется, ему хочется проникнуть куда-то далѣе дѣйствительности.

Такъ и на этотъ разъ. Мой учитель никакъ не могъ понять, чего мнѣ нужно. Билеты, впрочемъ, бралъ мой учитель, такъ что паспортъ показывать не пришлось: попали въ вагонъ и безъ паспорта.

Народу было очень много. Какъ разъ въ этотъ день въ Кеото былъ праздникъ „Инари“, т. е. храма лисицы. Этотъ храмъ расположенъ недалеко отъ Кеото, минутъ десять ходьбы. По рангу своему онъ едва ли не первый между синтоистическими капищами, которыя содержатся правительствомъ. Что это такое за Инари, хорошенько

еще не знаю. Говорятъ этотъ праздникъ привлекаетъ въ Кёото массу народа со всѣхъ окрестностей. Кажется, многіе ѣдутъ больше гулять и пировать.

Въ 9 часовъ мы были уже въ Кёото. Насъ на вокзалѣ встрѣтили наши христіане: двое катихизаторовъ (Савабе и Сасаба, прежній здѣшній катихизаторъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ) и двое япошцевъ-студентовъ. Одинъ Пантелеймонъ—медикъ, другой Василій. Всѣ четверо низко кланялись ласково улыбаясь, и въ то же время съ нескрываемымъ любовицтвомъ посматривая на невиданнаго до толъ русскаго „симпу“ (послѣдніе двое получили крещеніе недавно). Послѣ взаимныхъ поклоновъ и привѣтствій, разошлись мы въ четыре курумы и тронулись торжественнымъ поѣздомъ по городу: впереди—я, за мной мой сенсей, потомъ по-двое остальные.

Городъ Кёото замѣчательнъ прежде всего своимъ планомъ: его улицы пересѣкаются подъ прямыми углами, и идутъ съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ. Въ сѣверной или верхней части города находится древній императорскій дворецъ, заботливо теперь сохраняемый въ его прежнемъ видѣ. Около дворца во время оно жили придворные вельможи самыхъ высшихъ ранговъ, которые... снискивали себѣ пропитаніе давая уроки танцевъ и игры въ мячъ, а также мелкими, допускавшимися ихъ рангомъ рукодѣльями. Матеріальныя средства страны всѣ были въ рукахъ сегуна, на долю же микадо остались одни чины. Оттого царедворцы, бывшіе нерѣдко по чину выше самого сегуна, жили бѣднѣе послѣдняго самурая у послѣдняго сегунскаго вассала.

Теперь въ сѣверной части Кёото мало осталось дворянскихъ домовъ. Всѣ дворяне перебрались въ Тоокео. Одѣлись по-европейски и уже не бѣдствуютъ, какъ прежде.

Въ нижней или южной части города въ старину жили торговцы и мастеравые. Тамъ шла бойкая торговля, производились знаменитыя и теперь лаковые вещи и шелковыя матеріи, фаланъ и фарфоръ.

Рѣзкое различіе между верней и нижней частями города сохраняется и до сихъ поръ: Кёото молчаливо и пустынно вверху, шумно и многолюдно внизу.

Мы быстро промчались по прямой улицѣ и скоро были

у церковнаго дома. Онъ занимается миссіей и потому ничѣмъ отъ остальныхъ японскихъ домовъ не отличается. Отодвинувши весьма низкую, рѣшетчатую дверь и согнувшись по возможности, вы проникаете въ узенькій крытый дворъ. Направо входъ въ комнаты, т. е. двѣ ступеньки и ширмы, заклеенныя бѣлой бумагой. Снимаете обувь и поднимаетесь въ первую комнату, совершенно свободную отъ мебели. Тамъ поджидаютъ васъ хозяева, сидя на полу поджавши ноги (такъ требуетъ японскій этикетъ). Васъ встрѣчаютъ земнымъ поклономъ, вы отвѣчаете тѣмъ же. Въ Кёото и его окрестностяхъ соблюдаются еще старомодные обычаи, поэтому здѣсь поклоны особенно церемониальны. Кланяются нѣсколько наискосокъ другъ отъ друга, раза три приподнимаются немного отъ земли, смотрятъ черезъ ухо на своего собесѣдника, опять кланяются, приговаривая самыя любезныя вещи и всхлипывая. Непривычный человѣкъ можетъ подумать, что или хозяинъ или гость въ чемъ-нибудь сильно провинились другъ предъ другомъ и теперь просятъ прощенія.

Все это происходитъ въ передней комнатѣ. Сюда принимаются всѣ. Здѣсь мѣсто краткихъ визитовъ. Только болѣе близкіе и болѣе почетные гости проникаютъ далѣе въ такъ называемую „засики“, т. е. гостинную. Истинный кеотосецъ не скоро пуститъ туда не только иностранца, но и иногородняго.

Въ засики васъ ожидала самая привѣтливая обстановка: посреди комнаты было разостлано красное байковое одѣяло, долженствующее замѣнять собою столъ. Каждому изъ васъ *постлали* стулья, если такъ можно сказать, т. е. „забутоны“, небольшіе четырехугольные коврики для сидѣнія поджавъ ноги. Въ холодное время вамъ пододвигаютъ „хибаци“, т. е. деревянный ящикъ, наполненный пепломъ съ небольшимъ таганчикомъ и горячими угольями посрединѣ. Этимъ достигается относительное тепло, если, конечно на васъ надѣто что-нибудь ватное. На той же хибаци кипятится небольшой чугунный очень причудливой формы чайникъ воды, здѣсь же рядомъ помѣщается и чайный приборъ; во всякое время васъ могутъ попотчивать настоящимъ японскимъ зеленымъ чаемъ...

Мы усѣлись. Кромѣ прибывшихъ съ нами, здѣсь были

Лука и Софія (Рука и Сохія, какъ произносятъ японцы), мужъ и жена. Они служатъ хозяевами дома. Мужъ сидѣлъ съ нами, а жена у двери,—это тоже требованіе стариннаго японскаго этикета.

Въ десять часовъ начали обѣдницу. Обстановка нашего молитвеннаго дома бѣдна до крайности. На восточной сторонѣ виситъ икона Спасителя, вершковъ 6 величины, подъ нею стоитъ простой деревянный столикъ, затянутый въ холстовое облаченіе. На столикѣ—японскій подсвѣчникъ съ черною, изъ земляного воска свѣчей (какія употребляются въ японскомъ обиходѣ). Въ сторонкѣ аналогіи (тоже простой деревянный, покрытый холстомъ). Вотъ и все.

Насъ собралось человѣкъ шестнадцать. Шѣли съ грѣхомъ пополамъ всѣ можетъ быть и не особенно стройно, при отсутствіи у японцевъ музыкальнаго слуха, за то усердно.

Послѣ обѣдницы устроили „соодацъ“, т. е. совѣтъ. Всѣ христіане разсѣлись кругомъ, мы съ Савабе стали имъ разъяснять дѣло и убѣждали помочь катихизатору, пріискать слушателей и т. п. Всѣ помочь были готовы, только попеременно каждый напередъ говорилъ, что кеотосцы народъ каменный, неподдающийся никакой проповѣди. Главное же въ томъ, что въ нашемъ теперешнемъ помѣщеніи открыть публичную проповѣдь немислимо: ужъ очень „китанай“, грязно, бѣдно. Нужно, слѣдовательно, пріискать новое, „лучшее“ помѣщеніе. Въ Кёото это задача нелегкая. Для иностранца, а тѣмъ болѣе для Ясо-кёо (религія Иисуса) у кеотосцевъ рѣдко находится квартира.

Такъ нашъ соодацъ и кончился только обѣщаніями. Миѣ, конечно, на немъ приходилось больше жестиковать, чѣмъ говорить, за недостаткомъ словъ.

Но горшее ожидало меня предъ отъѣздомъ: мой сенсей, наконецъ, понялъ, что я ему сказалъ на оосакскомъ вокзалѣ, и съ ужасомъ торопилъ меня писать телеграмму въ Оосака, чтобы прислали со слугою паспортъ. Какъ ни неприятно было поднимать такой шумъ изъ пустяковъ, пришлось уступить и ждать въ Кёото своего злополучнаго паспорта. Замѣчательная черта у японцевъ—уваженіе къ закону; разъ есть правило нужно его исполнять. Вспомнилъ я тогда нашу славянскую распущенность, у насъ правила

пишутся больше для того, чтобы ихъ не исполнять. Японцы въ этомъ отношеніи впереди насъ. Конечно, когда писалась телеграмма въ Осака, я далеко не былъ въ восхищеніи отъ этой черты японскаго характера.

Возвратиться пришлось уже поздно ночью. Вагоны были также полны: наши утренніе спутники тоже возвращались, но на этотъ разъ всѣ были сильно навеселѣ, должно быть именины лисицы справлялись, какъ слѣдуетъ.

Въ слѣдующее воскресенье, 27-го числа въ память Іоанна Златоуста мы опять ѣздили въ Кеото, на этотъ разъ безъ особенныхъ приключеній съ паспортомъ. Поѣздка эта была болѣе утѣшительна, чѣмъ прежняя. Мои катихизаторы были повоселѣ, да и христіане приходили воодушевленнѣе. Слушатели, оказывается, начинаютъ находиться. Двое нашлось между студентами медицинскои школы, эти приведены были Пантелеймономъ, который всей душой отдается церкви и готовъ ей служить. Двѣ женщины пріѣхали сюда погостить мѣсяца на два къ христіанину. Если примутъ крещеніе, можетъ быть, послужать пачаткомъ церкви и въ своемъ родномъ городѣ. Вотъ вамъ примѣры, какъ здѣсь распространяется христіанство.

Особенно важенъ для насъ визитъ одного здѣшняго японца, приходившаго познакомиться съ Савабе во время моего пребыванія въ Кеото. Онъ имѣетъ въ Кеото собственный домъ и, по происхожденію, природный кеотосецъ. Приобрѣсти его для церкви было бы очень важно, въ виду дальнѣйшаго ея распространенія: кеотосцы съ иногородними плохо сходятся, а теперь въ церкви одни иногородніе. Было бы счастье для насъ, если бы онъ крестился.

Мелькомъ видѣлъ здѣшній протестантскій университетъ „Доосиѣ“. Онъ устроенъ на совмѣстныя пожертвованія америкацевъ и японскихъ язычниковъ. Профессора прежде были американцы, а теперь мало-по-малу всѣ мѣста занимаются японцами. Отъ этого университетъ все болѣе и болѣе теряетъ свой христіанскій характеръ. Въ немъ есть и богословская школа въ родѣ семинаріи или катихизаторскаго училища, но говорятъ поставлена не высоко и уваженіемъ среди учащихся не пользуется. Изъ 800—900 только 60 учится въ богословскои школѣ.

Кругомъ университета, много больницъ. Тутъ же въ

особыхъ зданіяхъ и помѣщенія для студентовъ. Зданія университета большія, каменные... Выбшностью онъ вообще производитъ впечатлѣніе.

Проходили мимо и католическаго храма. Довольно помѣстительное зданіе. Внутри насъ однако не пустили: католики до сихъ поръ не оставляютъ своей привычки прятаться и дѣлать все тайкомъ.

Въ Кеото, вообще, много достопримѣчательностей, и главнымъ образомъ религіозныхъ. Папр., здѣсь есть въ нѣкоторомъ родѣ духовная академія буддистовъ. Говорятъ, въ ней есть преподаватели и европейцы. Она распадается на два отдѣленія: свѣтское и духовное. Окончивши первое, переходятъ во второе. Въ числѣ предметовъ на духовномъ отдѣленіи преподается и критика евангелія, въ чемъ, конечно, немалую услугу оказываютъ буддистамъ ученые вѣмцы.

Трудно будетъ бороться со всѣмъ этимъ нашей нарождающейся здѣсь церкви. Она почти не замѣтна рядомъ съ такими организованными и многочисленными противниками. Впрочемъ, не первый разъ нашей миссіи начинать дѣло при такихъ условіяхъ. Наша проповѣдь началась съ сѣвера и когда дошла до середины Японіи, здѣсь уже всѣ мѣста были заняты католиками и протестантами. И, не смотря на это, не отступили въ страхъ наши проповѣдники, начали свое дѣло и Богъ такъ же помогаль имъ, какъ и на сѣверѣ. Поможетъ и здѣсь.

ПИСЬМО XIII.

20 Марта 1891 г. Тоокео.

Немного поуспокоились мы послѣ нашихъ торжествъ и собраній. Жизнь приняла, наконецъ, свое обычное будничное теченіе.

Прежде всего, я больше не въ Осака, а въ Тоокео.

Не успѣлъ я съѣздить въ Кеото и трехъ разъ, какъ получилъ письмо отъ преосв. Николая съ приглашеніемъ по возможности скорѣе явиться въ Тоокео: 24-го февраля предположено освященіе собора, нужно, слѣдовательно, приготовиться.

Я быстро собрался и приѣхалъ сюда. До освященія оставалось еще три педѣли, но онѣ пролетѣли совершенно незамѣтно среди разныхъ приготовленій и сборовъ. Перенесли въ новый соборъ ризницу, сосуды. Толковали богослуженіе, особенно обрядъ освященія всѣмъ священнодѣйствующимъ и прислуживающимъ въ храмѣ, обучали, что каждому нужно дѣлать при освященіи и т. п. Много дѣла было и все, конечно, мелочи, которыя рѣшительно не давали ничѣмъ другимъ запятыся.

Удивительное богатство сосудовъ въ новомъ соборѣ! Я думаю, рѣдкій и въ Россіи соборъ можетъ теперь равняться съ нашимъ. Особенно драгоценны пожертвованія Нечаева-Мальцева. На всѣ три престола онъ заказалъ Овчинникову полный приборъ священныхъ сосудовъ. Не забыты и мелочи, до тарелочекъ для просфоръ включительно. И все это въ одномъ стилѣ, и все это въ высшей степени художественно. Что это за пожертвованіе, можете судить по запрестольному кресту въ главный алтарь, онъ—величиной въ аршинъ или болѣе и сдѣланъ изъ чистаго серебра (вызолоченъ) съ литымъ серебрянымъ распятіемъ очень большихъ размѣровъ, даже носить его тяжело въ крестныхъ ходахъ. Великолѣпна также панихидница: на серебряномъ большихъ размѣронъ подножии, которое все занято шандалами для свѣчей, возвышается литая изъ серебра Голгова съ такимъ же распятіемъ (вершковъ пяти величиной), а по бокамъ литыя фигуры Божіей Матери и I. Богослова. Хороши также ковчеги на всѣ три престола. Сколько все это могло стоить?!

Другой благодѣтель Самойловъ пожертвовалъ на главный престолъ еще ковчегъ, огромнаго размѣра, серебряный вызолоченный, съ прекрасными рельефными изображеніями, съ эмалью.—Какая-то московская барыня пожертвовала кувшинъ для храненія мұра. Это тоже рѣдкость въ своемъ родѣ: серебряный, покрытъ эмалью, прекрасное изображеніе Сошествія Св. Духа на апостоловъ. Стоитъ 5,000 рублей.

Все это праздничное, пасхальное, а сколько еще пожертвовано обыкновенныхъ дорогихъ вещей: евангелій, сосудовъ, кадилницъ, просто и счету нѣтъ. Вообще соборъ достаточно, даже съ избыткомъ снабженъ утварью. Миѣ

думается, что не только соборъ, но даже и всѣ миссійскія церкви, какія потомъ будутъ открываться лѣтъ на сто впередъ, можно будетъ снабдить утварью, особенно сосудами.

Да, наши православные умѣютъ жертвовать. На вѣки останется памятенъ для японцевъ этотъ щедрый даръ матери-церкви.

Наши христіане тоже собирали между собой пожертванія на храмъ. Бѣда только, что первый сборъ пропалъ вмѣстѣ съ сборщикомъ. Они, впрочемъ, собрали еще, и теперь на эти исключительно деньги будетъ устроена при соборѣ крещальня.

По немногу стали сходитья священники. Пришелъ о. Павелъ Савабе. Онъ теперь уже довольно пожилой человѣкъ, хотя состарили его не столько лѣта, сколько недомоганье. Духъ у него и теперь еще бодръ, особенно когда чѣмъ-нибудь воодушевится, но плоть немощна. Теперь онъ управляетъ маленькой церковью на сѣверѣ.

Пришелъ съ самаго сѣвера большого острова о. Борисъ Ямамура, замѣчательно благообразный іерей, высокаго роста, съ большой сѣдой бородой и съ сонсѣмъ кроткими и вмѣстѣ умными глазами. Это теперь одинъ изъ самыхъ усердныхъ пастырей японской церкви. Приходъ у него громадный, и онъ почти непрерывно путешествуетъ.

Мой знакомый о. Іоаннъ Опо встрѣтилъ въ Тоокео своего давнишняго пріятеля о. Петра Сасагава изъ Сендая. Оба они обращены ко Христу о. Павломъ Савабе и приняли крещеніе однимъ изъ первыхъ въ Японіи. Проповѣдовать открыто тогда еще нельзя было, и вотъ эти два друга удалялись съ о. Павломъ гулять въ горы, которыхъ очень много около Хакодате, и тамъ слушали начатки Христова ученія. Преосв. Николой былъ въ то время въ Россіи, хлопоталъ объ открытіи миссіи. Возвратясь, онъ крестилъ ихъ и потомъ приготовлялъ къ катихизаторскому служенію. Теперь и тотъ другой усердно проповѣдуютъ.

Изъ Сидзуока прибылъ о. Матѣей Катета. На видъ онъ какой-то сердитый, насупивъ брови, мрачный. Горе увлекшимся ораторамъ на соборѣ: о. Матѣей безцеремонно обрѣжетъ каждаго, кто чуть-чуть выкажетъ намѣреніе повторить одно и то же въ третій и четвертый разъ. Отличается вообще

замѣчательной прямолинейностью. Какъ пастырь, очень хорошій, горячо вѣрующій и усердный. Не даромъ въ его приходѣ извѣстно нѣсколько случаевъ исцѣленій при совершеши таинства.

Собралось вообще 16 японскихъ священниковъ. Двое не пріѣхали (самый сѣверный и самый южный, всѣхъ 18).
Діаконовъ—5.

Наканунѣ освященія совершенно было въ новомъ соборѣ всенощное, виѣ алтаря, какъ полагается по уставу,—присутствовали главнымъ образомъ христіане. Послѣ богослуженія епископъ вышелъ на середину для проповѣди. Всѣ христіане сѣли на полъ, занявъ почти всю ширь собора. Епископъ говорилъ, какъ началось сооруженіе этого собора, какъ откликнулась на это святое дѣло православная Россія, говорилъ о значеніи собора для Японіи и для взаимныхъ связей между русской и японской церковью.

Часовъ до одиннадцати продолжалось движеніе въ миссіи, т. е. главнымъ образомъ въ квартирѣ преосв. Николая, безъ котораго не дѣлается здѣсь никакая самая незначительная мелочь, а въ два часа онъ уже велѣлъ себя разбудить: готовится къ освященію. Нужно было прочитать ему цѣлую книгу китайскихъ іероглифовъ (обрядъ освященія совершался на японскомъ языкѣ). Конечно, весь чинъ переведенъ былъ самими же преосв. Николаемъ, но просмотрѣть предъ службой было необходимо. Нужно было также приготовить для такого важнаго случая соответствующую проповѣдь. Времени нужно много, а въ семь часовъ утра назначено уже водоосвященіе. Жаль только, что не проспавшая ночь дала себя знать: голосъ пропалъ. Поэтому и отъ проповѣди за богослуженіемъ пришлось отказаться.

Въ семь часовъ однимъ изъ японскихъ священниковъ совершенно было водосвященіе, а въ восемь часовъ раздался первый въ Тоокео ударъ православнаго колокола. До сихъ поръ служба совершалась безъ звону, а теперь даже звонарь русскій былъ на лицо (Феодоръ, пріѣхавшій съ нами). Не нужно и говорить, съ какимъ интересомъ слушали японцы эту неслыханную ими музыку. У японцевъ есть колокола, и даже огромные, не уступающіе нашимъ. Они имѣютъ нѣсколько иную форму, продолговатые. Звонятъ въ нихъ, ударяя большимъ бревномъ по наружной

сторонѣ колокола. Звукъ получается густой, очень мягкой. Во всякомъ случаѣ, такихъ искусныхъ звонарей, какъ нашъ Теодоръ, у нихъ нѣтъ.

Богослуженіе отличалось необычайной торжественностью. Служило съ епископомъ 19 священниковъ (трое русскихъ) и четыре діакона. Пѣли семинаристы съ ученицами женской школы, и нужно отдать имъ честь, пѣли прекрасно. Потомъ въ газетахъ особенно удивлялись этому хору. Пѣло человѣкъ 150, такого хора не бывало, я думаю, въ Японіи еще никогда.

Гостей на освященіи было очень много. Всѣ члены дипломатическаго корпуса, представители почти всѣхъ миссій (за исключеніемъ, конечно, католической), много разныхъ здѣшнихъ знаменитостей, ученыхъ, литераторовъ и пр... Министры не могли быть, потому что освященіе совпало съ закрытіемъ парламента. Всѣ гости приглашены были потомъ на закуску въ миссійскія зданія.

Соборъ былъ переполненъ народомъ, хотя пускали только по билетамъ, т. е. однихъ христіанъ и ихъ близкихъ. Язычниковъ кругомъ миссійской ограды собрались цѣлыя тысячи: опасались было какой-нибудь демонстраціи во время крестнаго хода вокругъ собора; но всѣ эти опасенія оказались совершенно напрасными: народъ велъ себя чинно, многіе снимали даже шляпы при проходѣ священнослужителей.

Не успѣли мы кончить съ гостями и съ уборкой храма, какъ снова зазвучалъ колоколъ, — ко всенощной. На слѣдующій день послѣ обѣдни епископъ со всѣми 19 священниками служилъ молебенъ о здравіи жертвователей. Соброръ былъ опять переполненъ молящимися, добрая половина которыхъ на этотъ разъ состояла изъ язычниковъ. Эти послѣдніе въ общемъ гедутъ себя вполне хорошо. Бываютъ, конечно, нѣкоторые казусы въ родѣ слѣдующаго. Войдетъ какой-нибудь „одзи-санъ“ въ первый притворъ, сниметъ свои „гета“, и вдругъ въ раскрытую дверь видитъ золотой, блестящій иконостасъ; это его такъ поражаетъ, что онъ несется стремглавъ чрезъ притворъ и весь соборъ къ солеѣ, точно бабочка на огонь. Конечно, не знающій можетъ подумать, что гдѣ-нибудь, если не въ самомъ храмѣ, сильный пожаръ. Иногда ребяташки затѣютъ въ углу какую-нибудь игру.

Или среди службы вдругъ раздастся свистъ: это японецъ-язычникъ выражаетъ свое восхищеніе при видѣ икопостаса. Случается и такъ, что наши богомольцы (конечно, язычники), затерявшись въ толпѣ, начинаютъ отыскивать другъ друга, какъ въ лѣсу, чуть не ауканьемъ. Впрочемъ, это только на первыхъ порахъ, посѣтители быстро освоились съ нашими порядками, тѣмъ болѣе что при дверяхъ вывѣшено объявленіе, а въ соборѣ есть особые надзиратели.

При всякомъ удобномъ случаѣ соборъ наполнялся народомъ. Теперь толпами, конечно, уже не ходятъ, но народъ въ соборѣ всегда есть. Соборъ открытъ для осмотра цѣлый день, и вотъ безпрерывно приходятъ маленькія партіи, человѣкъ по пяти, по десяти. Городскіе переселялись всѣ, за ними идутъ провинціалы со всѣхъ концовъ Японіи. Всякаго, кто пріѣзжаетъ сюда осматривать городскія достопримѣчательности (въ Японіи такія путешествія очень развиты), извозчики везутъ и въ нашъ соборъ. Народу, какъ видите, очень много,— и всѣ они смотрятъ на нашъ храмъ, на наши иконы, на наше богослуженіе. Не можетъ у нихъ не зародиться вопросъ, зачѣмъ все это, что это за вѣра? Прекрасный предлогъ начать съ язычникомъ разговоръ о вѣрѣ. Соборъ оказался самымъ существеннымъ пособіемъ для проповѣди. Необходимо только воспользоваться имъ, какъ слѣдуетъ. Нужно было назначить человѣка, который бы постоянно былъ въ соборѣ и объяснялъ язычникамъ все, что будетъ имъ пужно. Если у кого возбудится интересъ къ вѣрѣ, тому нашъ гидъ указалъ бы адресъ ближайшаго катихизатора въ Тоокео, или на родинѣ язычника. При случаѣ выдавалъ бы книжечки съ краткимъ очеркомъ христіанскаго ученія. Преосв. сначала хотѣлъ было все это поручить мнѣ, но, конечно, послѣ первыхъ опытовъ пришлось эту мысль оставить: и языкъ я изучалъ собственно только около двухъ мѣсяцевъ, этого слишкомъ мало, чтобы говорить съ непривычными къ ломаному выговору язычниками о такомъ важномъ вопросѣ, какъ вѣра. Христіанинъ, вѣрующій, проститъ миссіонеру всѣ его грамматическіе недочеты, потому что онъ смотритъ на него, какъ на учителя истины, язычникъ же видитъ въ немъ только гниваго иностранца, невольно возбуждающаго смѣхъ. Кромѣ того, я и быть постоянно въ храмѣ не могъ.

Теперь къ этому дѣлу приставили одного старичка Иону, который и сидитъ въ храмѣ съ утра до ночи. Человѣкъ попался очень словоохотливый, и его объясненія выходятъ цѣлыми проповѣдями. Случаются, конечно, у него и диспуты, особенно съ молодежью, со студентами. Только нашъ старикъ угощаетъ ихъ такими длинными опроверженіями, что бѣдные возражатели не знаютъ потомъ, какъ и уйти.

Иона потомъ рассчитывалъ, что на каждый день круглымъ счетомъ приходится по одному, по два человѣка, которые настолько заинтересуются проповѣдью, что спрашиваютъ адресъ катихизатора.

Въ первую педѣлю, впрочемъ, соборъ рѣдко открывался для такихъ посѣтителей. Въ четвергъ и субботу освящены были оба придѣла, а въ свободное отъ службы время происходили засѣданія собора.

Какъ вамъ извѣстно, въ нашей церкви ежегодно собирается соборъ. Прежде собирались катихизаторы и священники со всей Японіи, но теперь собирать ежегодно всѣхъ очень дорого и неудобно, поэтому церковь пришлось разбить на двѣ половины и собирать каждую чрезъ годъ по очереди. Поэтому соборъ одинъ годъ бываетъ въ Тоокео для сѣверной половины, а другой годъ въ Оосака для южной. Время собранія пріурочено къ окончанію петровскаго поста. На этотъ разъ, впрочемъ сдѣлано исключеніе: собраны были всѣ и въ февралѣ мѣсяцѣ. Соборъ вышелъ очень многочисленный. Засѣданія его происходили въ придѣлѣ св. Петра и Павла. Къ столѣ ставился небольшой столъ, за которымъ помѣщался епископъ со старшими священниками, а потомъ по ту и другую сторону густыми колоннами расположились на полу остальные священники и катихизаторы.

Первое засѣданіе имѣло чисто праздничный характеръ: читались разныя телеграммы, письма, адреса и пр., присланныя и поднесенныя со всѣхъ концовъ Японіи. Адресы пишутся на громадныхъ свиткахъ по возможности витѣвато и пространно. Читали ихъ или сами авторы или кто-нибудь изъ катихизаторовъ. Конечно, адресъ ученаго нашего переводчика Накаи (главный сотрудникъ епископа по переводу Богослужебныхъ книгъ, японскій учевый, знатокъ исторіи и литературы, ростомъ не выше двухъ аршинъ) могъ про-

читать только онъ самъ: обыкновенному смертному не прочитать тѣхъ мудреныхъ знаковъ, которые употребляетъ Накаи. Китайскихъ знаковъ, какъ извѣстно, нѣсколько тысячъ. Не всякій знаетъ и четвертую долю ихъ. Поэтому, японцы, рядомъ съ китайскими знаками пишутъ и чтеніе ихъ японской азбукой (ката-кана). Такое смѣшанное японско-китайское письмо обыкновенно употребляется и въ рукописяхъ. Отсюда особый родъ литературнаго тиселавія: написать одними китайскими знаками, притомъ такими, чтобы не всякій безъ лексикона могъ прочитать. Можно, пожалуй, надъ этимъ смѣяться, но развѣ наши латинскіе термины не тѣже китайскіе знаки? Тоже самое, только въ другой формѣ.

Съ 26 числа (вторникъ) начались ординарныя засѣданія собора. Каждое изъ нихъ начиналось и оканчивалось молитвой. Говорилось обычное: „Благословенъ Богъ нашъ“. Всѣ пѣли „Царю небесный“, „Благословенъ еси, Христе Боже нашъ“. Въ концѣ засѣданія „Достойно“ и отпускъ пятидесятницы.

Первое засѣданіе началъ епископъ, надѣвши на себя епитрахиль и омофоръ. Послѣ молитвы имъ сказала была рѣчь о состояніи проповѣди за періодъ послѣ прошлаго собора. Время это было не особенно благоприятно: число обращеній многимъ меньше, чѣмъ прежде. Гдѣ причина этому? Ссылались на всеобщее увлеченіе политическими вопросами (по поводу открытія парламента), на исурожан, наводненія и т. п. народныя бѣдствія, которые отвлекали душевное вниманіе къ предметамъ матеріальнымъ. Поэтому, прошедшій годъ былъ тяжелымъ и безплоднымъ для всѣхъ вообще миссій, всѣ жалуются на отсутствіе слушателей. Епископъ убѣждалъ всѣхъ не равнять себя съ инославіемъ, и не оправдывать себя примѣромъ инославныхъ миссій. Нѣтъ ли причины въ насъ самихъ, въ отсутствіи достаточной преданности дѣлу съ нашей стороны? Рѣчь была живая, энергичная. Все собраніе слушало напряженно, не спуская глазъ съ проповѣдника.

Мнѣ послѣ случилось говорить о проповѣданіи съ однимъ изъ японцевъ катихизаторовъ. Онъ сравнивалъ о. Іоанна Оно и епископа. О. Іоаннъ говоритъ ровно, плавно, послѣдовательно, закругленно. Ни одна мысль у него не выбѣтается изъ плана. Самое произношеніе такое же спокойное,

ровное. Его нужно слушать сложивъ руки на колѣнахъ и опустивъ голову (обычная японская поза при размышленіи). Рѣчь о. Оно вызываетъ на спокойное размышленіе. Преосв. Николая опустивъ голову слушать нельзя, такъ никто не усидитъ. Онъ весь горитъ во время проповѣди и зажигаетъ слушателей, всѣхъ влечетъ къ себѣ. Опущенныя головы поднимаются и взоры невольно приковываются къ его воодушевленному лицу. Не даромъ до сихъ поръ, вотъ уже тридцать лѣтъ (теперь 35), преосв. Николай и день и ночь работаетъ на нивѣ Господней и не думаетъ еще объ отдыхѣ.

Слѣдующее засѣданіе благословилъ о. Павелъ Савабе, который тоже сказалъ рѣчь: описать первыя времена православной церкви въ Японіи, какъ обратился онъ къ христіанству, какъ началось обращеніе другихъ, какъ они бѣдствовали въ то время, какъ другъ друга поддерживали и дѣлились всѣмъ. Этотъ разсказъ былъ глубоко назидателенъ. Невольно пронеслась предъ взоромъ вся исторія этого созиданія церкви, этого благодатнаго возрастанія чуть замѣтнаго евангельскаго сѣмени.

Рѣчи, какъ и все, что говорится или дѣлается на соборѣ, тутъ же записывали два стенографа. Все это потомъ издается отдѣльной книжкой и разсылается по церквямъ.

Послѣ рѣчи соборъ открывалъ свои занятія. Читались письма, поданныя на соборъ отъ различныхъ церквей или отъ частныхъ лицъ съ просьбами о катихизаторахъ. Одна церковь проситъ себѣ новаго катихизатора, другая наоборотъ проситъ, чтобы стараго не вводили и т. п.

Всѣ просьбы о катихизаторахъ обсуждаются потомъ въ особомъ священническомъ собраніи, на которомъ никто, кромѣ священниковъ и діаконовъ, не присутствуетъ. Это собраніе носитъ совершенно частный, домашній характеръ. Здѣсь всякій священникъ, не стѣняясь можетъ высказать свое мнѣніе о томъ или другомъ катихизаторѣ, годенъ ли онъ въ данномъ мѣстѣ или не годенъ. Распредѣленіе катихизаторовъ, вообще, вопросъ очень трудный: хорошаго ни одинъ священникъ, конечно, изъ своего прихода отпустить не хочетъ, а дурнаго тоже не охотно приметъ. Прошеній подается масса. Вотъ и нужно все это уладить, чтобы и дѣлу пользу принести и никого не обидѣть. Времени на

это убивается много. Покончивши съ распредѣленіемъ, созываютъ весь соборъ и объявляютъ рѣшеніе священническаго собранія. Иногда оказываются недовольные, нѣкоторые просятъ перемѣнить; соборъ тутъ же иногда и дѣлаетъ перемѣны, если найдетъ необходимымъ и удобнымъ.

На соборѣ былъ избранъ еще новый священникъ. Христіане семнадцати церквей изъ прихода о. Бориса (огромнаго прихода) просили дать имъ отдѣльнаго священника и въ качествѣ кандидата указывали на діакона Сендайской церкви о. Іоанна Катакура. Всѣ находили этотъ выборъ хорошимъ, самъ кандидатъ, конечно, отказывался, просилъ отложить, пока онъ спроситъ сенданскихъ прихожанъ, не имѣютъ ли они чего-нибудь противъ его ухода. На слѣдующій день пришла телеграмма, что прихожане не имѣютъ ничего. Тогда избраніе объявлено состоявшимся. Новоизбранный поклонился въ ноги епископу, принялъ отъ него благословеніе, потомъ съ такимъ же поклономъ принялъ благословеніе отъ о. Бориса, при чемъ они посвященнически поцѣловали другъ у друга руки и въ заключеніе о. Катакура поклонился на обѣ стороны всему собору. На первыхъ порахъ онъ будетъ подъ нѣкоторымъ руководствомъ у о. Бориса.

На томъ же засѣданіи былъ избранъ діаконъ для Оосакской церкви. Здѣсь вообще строго соблюдается древнецерковное правило о выборѣ клириковъ всей церковью. Въ священники избираются не ранѣе 30 лѣтъ, въ діаконы не ранѣе 25.

Въ воскресенье новоизбранные были посвящены.

Литургіей и благодарственнымъ молебномъ послѣ нея и закончился соборъ. Катихизаторы, впрочемъ, вечеромъ устроили въ соборѣ говорильное собраніе (энсецу-квай). Соборъ былъ набитъ биткомъ, и наши ораторы одинъ предъ другимъ извергали цѣлые потоки краснорѣчія. Такъ какъ въ соборѣ не позволено было выражать одобреніе и порицаніе, говорильное собраніе вышло не такъ шумно. При одобреніи японцы рукоплещутъ и кричатъ: „хея“ (англійское hear), при несогласіи: „но“ (англійское „нѣтъ“ котораго исказить ужъ не могли). Какъ видите, совсѣмъ поамерикански.

На первой недѣлѣ всѣ наши ученики и ученицы говѣли и причащались. Собирались въ церковь трижды въ день.

Тоже чтеніе, тѣже земные поклоны съ молитвою Ефрема Сирина, все, какъ въ Россіи. Ученики наши говѣютъ въ великомъ посту дважды. Нерѣдко приобщаются нѣкоторые изъ нихъ и среди года по какому-нибудь случаю или просто по желанію.

По церквамъ еще не заведено регулярнаго говѣнія: священники должны быть въ отъѣздѣ, службы ежедневной вѣтъ. Христіане исповѣдуются во всякое время по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Теперь я перебрался въ Тоокео. Объяснять вѣру приходившимъ язычникамъ, конечно, я еще не могу. Но и безъ этого есть дѣло. Жаль только, что пришлось на время бросить японскій языкъ. Не утвердившись въ немъ сначала, пожалуй потомъ не воротить этой потери.

Теперь у насъ сезонъ цвѣта „сакура“ т. е. вишни. Здѣсь вишни достигаютъ огромныхъ размѣровъ съ толстымъ стволомъ. Плодъ отъ нихъ не хорошъ, но онѣ и садятся совсѣмъ не для плода, а для цвѣта. А цвѣтутъ, дѣйствительно, роскошно. Японцы садятъ ихъ цѣлыми аллеями, и во время цвѣтенія отираются туда смотрѣть; садятъ подъ вишнями любятъ, пьютъ „саке“, иной и стихи напишетъ. Вообще благодумствуютъ.

До цвѣтовъ, дѣйствительно, японцы большіе охотники, и притомъ всѣ, безъ различія возраста и состоянія. Встрѣтить какого-нибудь деревенскаго „одзи-сана“ (дѣдушку или дядюшку) съ колючей бородой, въ „варадзи“ (соломенные сандалии), съ синимъ платкомъ на головѣ... Ну, гдѣ бы, кажется, имѣть ему такое нѣжное чувство, какъ любовь къ цвѣтамъ, а смотришь этотъ одзи-санъ тащится за нѣсколько верстъ, а можетъ быть и десятковъ верстъ, смотрѣть, какъ цвѣтутъ астры или піоны въ какомъ-нибудь извѣстномъ саду. Толпами ходятъ смотрѣть на „момидзи“ (дерево съ листьями въ родѣ клена, только мельче), которое въ извѣстную пору краснѣетъ, какъ кровь (какъ у насъ дубъ, только изъ насъ никому и въ голову не придетъ идти въ лѣсъ, чтобы этимъ любоваться). Или, напр., въ Тоокео. Лѣтомъ, кажется, въ августѣ мѣсяцъ цвѣтетъ тамъ какой-то цвѣточекъ (ночная или утренняя царица, по японски). Цвѣтетъ онъ предъ восходомъ солнца, съ появленіемъ котораго закрывается. И вотъ часа въ два ночи едва не все

Тоокео собирается къ садовникамъ смотрѣть на эту царицу. Былъ и я тамъ. Цвѣтокъ самый обыкновенный, разсаженъ въ маленькія баночки, которыя разставляются по этажеркамъ. И народу цѣлыя тысячи. Положимъ, нѣкоторые цвѣтки очень хороши, но ради этого вставать съ полночи, бросать дѣло и идти сюда, притомъ всѣмъ, и старому, и малому.. съ нашей точки зрѣнія, это уже слишкомъ. Едва ли есть на свѣтѣ народъ съ такимъ тонко развитымъ эстетическимъ чутьемъ и вкусомъ, какъ японцы. Въ этомъ можно убѣдиться заставивъ что-нибудь вамъ сдѣлать какого-нибудь „дайку-сана“ (плотника). Вы сразу увидите, что онъ главное свое вниманіе обращаетъ не на прочность и не на скорость работы, а на ея изящность.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архимандритъ Сергій.
